

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ СМЫСЛОВ В АРХИТЕКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Блинова М. Ю. к. арх., ассистент кафедры ДАС

*Харьковский государственный технический университет строительства и архитектуры
(057) 706-20-69*

Аннотация. Формирование трансцендентных смыслов в архитектуре Византийской империи. В статье анализируется процесс мировоззренческой трансформации античной культуры с приходом христианства и его отражение в архитектуре Византийской империи.

Ключевые слова: коммуникативный аспект архитектуры, экзистенциальные смыслы, Византийская империя.

Постановка проблемы. При исследовании истории развития коммуникативной проблематики в архитектуре особый интерес представляют переломные моменты смены глобальных мировоззренческих (смысловых) парадигм и соответствующее отражение этого процесса в архитектуре. История символизма в европейской культуре в целом, а также искусстве и архитектуре в частности, идентифицируется именно с историей восточной христианской мысли. Именно на Востоке ввиду значительной языковой общности античная философская литература, написанная на греческом языке, была гораздо более доступной и популярной, чем на Западе. Византийская эстетика была связана с античной традицией в гораздо большей степени, чем западноевропейская, поэтому Византийские писатели и религиозные философы относились к античному наследию более терпимо, пытаясь усвоить и переработать его соответственно потребностям новой художественной культуры. Поэтому на материале многочисленных литературных источников мы имеем возможность проследить трансформацию смыслов в архитектуре.

Анализ последних исследований и публикаций. Процесс трансформации исторических типов мышления и его отражение в архитектуре всегда представлял интерес для архитектуроведения. Такие ученые, как В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, А. Г. Раппапорт в своих исследованиях с особым вниманием рассматривают моменты смены парадигм в истории архитектуры. Конкретно особенностям трансформации мышления, связанным с христианством и становлением Византийской империи, посвящены труды по филологии С. С. Аверинцева, по эстетике В. В. Бычкова, по теории архитектуры А. И. Комеча и В. А. Никитина. Однако в коммуникативном аспекте архитектуры смена смысловых парадигм на данном промежутке истории является недостаточно изученной и имеет значительные перспективы.

Формирование цели статьи. Предпринята попытка проанализировать отражение в архитектуре трансформации исторических типов мышления в период упадка Римской и становления Византийской империи, а также в связи с этим проследить движение в смыслодержателе аспекте архитектуры рассматриваемого периода.

Результаты исследований. Несмотря на критическое отношение к античному наследию раннего христианства, все же оно имеет античные корни в самом способе построе-

ния теоретических суждений (в том числе и об архитектуре), основанном на принципах античной риторики. С точки зрения методологии вся раннехристианская и средневековая теория архитектуры не противопоставляются античной, а продолжают и развивают ее различные аспекты в заданном риторикой ключе. Основную причину такой «теоретической преемственности» многие исследователи (С. С. Аверинцев, В. В. Бычков, В. А. Никитин, Э. Панофский, У. Эко) видят именно в общем характере человеческого мышления, которое не могло измениться коренным образом за столь короткий период времени и создать в корне новую теорию. Этой преемственности способствовала и достаточно консервативная система нормативного ремесленного знания, и устоявшаяся методика ведения строительства.

И если с переходом от античности к раннему христианству и далее Средневековью сам способ теоретизировать и оценивать остался неизменным, то смысловой план бытия претерпел достаточные метаморфозы. И это связано в первую очередь с появлением христианства – произошла глобальная смена основных жизненных ценностей человека. Согласно утверждению авторитетного исследователя эстетики Византии В. В. Бычкова, для римского общества основными жизненными ценностями были долг, честь и слава, которые ценились гораздо больше человеческой жизни. Христианство же предложило новый взгляд на человека «глазами Бога-Творца». С этой позиции человек не зависимо от его социального положения становился высшей ценностью в мире, а *человечность* — главным качеством человеческой культуры. Именно *человечности*, по мнению исследователя, как раз и не хватало большей части населения бескрайнего римского мира, т. е. *человечность* ещё не являлась тогда принадлежностью человеческой культуры как таковой. Гуманность, милосердие, сострадание, любовь к людям представляли собой новую и главную ценность, постулируемую христианством в качестве основы построения новой культуры [1]. Таким образом, формирование на базе христианства новых социальных отношений и институтов, новой культурно-исторической ситуации привело к коренному изменению мировоззренческих представлений о мире и, соответственно, к новым формам отношения к бытию. С точки зрения нашей темы, интересно будет проследить эти моменты в трансформации мировоззрения человека и выделить, какие качественно новые отношения к миру были продуцированы этой культурой и как они в свою очередь пронизали архитектуру. Ведь развитие художественного начала в архитектуре обусловлено именно эволюцией сознания, т. е. «причина художественно-образных изменений лежит в смене способов осознания (познания) мира и методов его «художественного изображения» [2, с. 253].

Во-первых, основная идея античности о всеобъемлющей и осмысленной имманентной упорядоченности вещей (космосе) переосмыслилась в трансцендентном ключе, т. е. как находящаяся за пределами человеческого сознания и познания. Теперь порядок и целостность мира не имманентны ему изначально, а приходят от Бога, стоящего вне материальных и идеальных пределов космоса. В христианском миропонимании космос есть Творение и существует только посредством Творца и находится в отношении покорности Сотворившему. Признание автором всего сущего Бога привело к признанию совершенства естественной красоты мира и человека, а такое отношение в свою очередь объективно повысило внимание к сфере эстетического и художественного.

Во-вторых, ориентация всей духовной культуры на постижение трансцендентного заставила вырабатывать средства выражения, обозначения и понимания этого объекта, поэтому на передний план в эстетике христианства выдвигается проблема образа во всех его вариациях — образа-подражания, образа-символа, образа-аллегии, образа-знака, а основными категориями становятся категории возвышенного и прекрасного. Затрагивая непосредственно проблему «прекрасного», необходимо в качестве основной мировоззренческой и идеологической установки отметить нравственную и высокодуховную ориентацию христианского учения на красоту естественную и первозданную, являющуюся результатом божественного творчества. В то время как «искусственная», материальная красота вызывала негативное отношение, как возбудитель чувственных влечений и плотских наслаждений.

Т. к. процветавшая в Риме (да и во всей империи) индустрия роскоши, развлечений и украшений строилась за счет «кровавых злодеяний», то первоначальное отношение христианства к рукотворной красоте было весьма негативным. Хотя позже в христианских храмах появятся и богатая отделка, и искусная работа, но на начальном этапе, по всей видимости, был необходим отказ от античного эстетизма и возврат назад к эстетике природы (простоты и естественности), чтоб на новом уровне воссоздать эстетику художественной деятельности, наполнив её новым духовным содержанием. Таким образом, онтологический характер эстетических представлений античности значительным образом меняется теперь на гносеологический, этический и психологический [1]. Именно в таком приоритете красоты внутренней духовной над красотой внешней материальной и берет начало тенденция к скромной и естественной (камнем, кирпичом) отделке внешней архитектурной формы и богатого, детализированного оформления внутреннего пространства, прошедшая красной нитью сквозь всю историю Византийской архитектуры как культовой, так и светской.

В-третьих, с приходом христианской философии в корне изменилось представление о времени. Внутри античного «космоса» как замкнутой симметрично-упорядоченной пространственной структуры концепция времени так же симметрично замкнута в учении о «вечном возвращении». В христианской же концепции бытия мир это вечность, т. е. некий необратимый поток всей совокупности и полноты времени, несущий в себе все вещи и события, мир как история, где, по выражению С. С. Аверенцева, «...даже пространство дано в модусе временной динамики — как «вместилище» необратимых событий». Таким образом, «греческий «космос» покоится в пространстве, обнаруживая присущую ему меру, библейский «олам» движется во времени, устремляясь к переходящему его пределы смыслу» [3, с. 93–94]. В связи с этим особенное значение приобретает в культуре понимание «нового». «Новый Завет» во многом определил и необходимость создания «новой» архитектуры и, прежде всего, нового типа храма. Об этом же говорит и В. Л. Глазычев: «Если «ныне все новое», то, естественно, пространственная схема античного, а значит, языческого храма никоим образом не могла удовлетворить заказчика, каковым стал, прежде всего, император, в роли патрона церкви» [4, с. 349].

В-четвертых, как уже говорилось выше, в самом способе теоретизировать христианство не противопоставило себя античности, а использовало выработанные ранее мыслительные навыки и основывалось на онтологии эллинского типа, с большим или меньшим перевесом платоновского или аристотелевского идеализма. Т. е. сам принцип толкования мифов и поэтических текстов, основным из которых была Библия, оставался в рамках эллинистической традиции символической аллегорезы. Продолжателем этой традиции в христианстве стал философ-богослов Ориген (185–254 гг.), создавший на основании Платоновского идеализма александрийскую школу христианского богословия, в рамках которой был утверждён метод аллегорической интерпретации библейской «священной истории». Символическая теория Оригена рассматривает различные вещи и явления как знаки объективного духа. Т. е. Божественная реальность согласно философии Оригена, являет себя и становится доступной пониманию лишь через трансцендентные символы, которые непохожи на эту реальность, потому как нет чувственной вещи из мира «дольного», которая вообще была бы схожа с миром «горним». Символические формы, к которым напрямую относятся и архитектурная форма храма, являются своеобразными ступенями или средствами приближения к божественному аспекту духа [5]. Как пишет С. С. Аверинцев со ссылкой на других европейских исследователей: «Это был принципиальный подход к событию, совершающемуся во времени, как к иносказанию о смысле, пребывающем вне времени. Если Библия о чем-то повествует, текст этого рассказа имеет три значения: буквальное – плотское, моральное – душевное и, наконец, мистическое – духовное. Идеальная структура снова противопоставлена конкретной истории. Если смысл события имеет вневременной характер, он может выявиться в целой цепи разновременных событий. Отсюда богословская «типология» в средневековом смысле слова, т. е. доктрина о «преобразовании» (идеально-смысловом предвос-

хищении) более поздних событий в более ранних. Интерпретация александрийской школы как бы спешит пройти, проскочить сквозь конкретный образ события к его абстрактному значению, принимая вполне всерьез только последнее; что она почти не принимает всерьез, так это время. Прошлое симметрично отвечает настоящему, настоящее симметрично отвечает будущему; необратимость времени снова приглушена гармонией как бы пространственной симметрии» [3, с. 101]. Поэтому, несмотря на разрыв античной концепции кольца времени «вечного возвращения» в прямую линию «священной истории», «Когда около 230 года Ориген создал первый опыт научно построенной теологии, это означало, что грек еще раз превратил историю в космологию. Он писал о началах, когда должен был писать о царстве Божиим» [6].

Наглядным примером другого, а именно буквально-исторического, отношения к бытию в рамках Антиохийской школы может служить описание храма в Тире выдающимся византийским писателем и историком Евсевием Памфилом (260–340 гг.). Согласно его пониманию, храм в целом и его части наполнены глубоким духовным содержанием, его основатель «каждой частью храма выразил ясность и блеск истины во всей ее полноте и многообразии» – «Таков великий храм, объемлющий всю вселенную, устроенный великим зжидательным словом и вместе с тем существующий на земле как *мысленное изображение* того, что находится превыше небесного свода» [7, с. 216–218]. Характерным моментом исторической соотнесенности церкви и тогдашнего общества у Евсевия является иерархичность в распределении людей «*по различию достоинств*» во внутреннем пространстве храма – посредством чего происходит «*уразумение буквального смысла*» Евангелия. Также ввиду ориентированности антиохийской школы на историческую достоверность и Аристотелевской строгости в суждениях, открытое эсхатологическое будущее определенным образом опирается в политическое настоящее Византийской империи.

Позднее границы обеих школ были значительно размыты, но сам принцип символического мышления, активно воспринятый многими христианскими мыслителями, был распространен в период христианства и Средневековья практически на все виды искусства.

Выводы. В процессе исторического анализа трансформации мировоззрения в эпоху Римской империи под воздействием христианства были выявлены ключевые моменты, касающиеся непосредственно изменения мифологического слоя сознания. Определение этих изменений помогает понять сдвиг в архитектурном смыслообразовании и структурировать эту новую смысловую парадигму.

Таким образом, тот мифосимволический слой, который в эпоху античности был наполнен имманентными экзистенциальными смыслами, свойственными уровню сознания этого периода, с возникновением христианства наполнился смыслами трансцендентными, свойственными обновленному сознанию византийца. И данные мыслительные трансформации нашли свое отражение и в архитектуре. Новое мировоззрение потребовало соответствия в окружающей материальной реальности. Однако ввиду серьезной дороговизны строительства, прошло определенное количество времени до того, как, став государственной религией, сформировавшееся новое мышление смогло себя выразить в новой архитектуре.

Однако надо попытаться четко определить, какие конкретно смыслы в мифосимволическом слое были новыми, а какие наследованными от античной культуры. Сама потребность в фиксации мифологических смыслов в архитектуре и осознание необходимости этого в проектом мышлении была традиционной. Потребность выражать в архитектуре свое понимание мироустройства продолжилась, изменилось только понимание этих самых принципов. Также вполне традиционным было наследование принципа универсума, «мир как целое» или «всё сущее», видение приоритета общего перед частным, иерархия идеального и материального. Развитие категорий через принцип противопоставления – антиномичность мышления античности не была преодолена, а нашла свое развитие в антитезах «дольного и горнего», внутреннего и внешнего, формы и содержания, что в свою очередь привело к разработке теории образа как примиряющего эти противоположности понятия.

Необходимость в литературном посредничестве – архитектурном экфрасисе, для передачи и разъяснения смысла архитектуры также продолжила свое существование.

Новыми смыслообразующими факторами в мифосимволическом слое, как уже говорилось выше, были четыре момента: осознание тварности мира трансцендентным Богом, развертывание кольца времени в прямую историю, ориентация всей духовной культуры на постижение трансцендентного, принципиальный интерпретативный подход к событию, совершающемуся во времени, как к иносказанию о смысле, пребывающем вне времени, и имеющему три значения: буквальное – плотское, моральное – душевное и, наконец, мистическое – духовное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. – Киев: Путь к истине, 1991. – 408 с. – Библиогр.: в тексте в конце глав.
2. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века: стадии и формации. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 264 с.
3. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Coda, 1997. — 343 с. — Библиогр.: в примечаниях.
4. Глазычев В. Л. Архитектура. Энциклопедия. — М.: Астрель, АСТ, 2002 - 672 с. — Библиогр.: в тексте в конце глав.
5. Басин Е. Я. Искусство и коммуникация: очерки из истории философско-эстетической мысли. — М., МОНФ, 1999. — 239 с. — Библиогр.: в тексте в конце глав.
6. Dempf A. Sacrum Imperium: Geschichts und Staatsphilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance. Munchen; Berlin, 1929. S. 109.
7. Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве //Искусство Западной Европы и Византии. — М., 1978. — С. 209–223.

УДК 72.01

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ КОМПОЗИЦІЙНОГО АНАЛІЗУ

Ідак Ю. В., к. арх.,ст. викладач кафедри дизайну та основ архітектури
Національний університет «Львівська політехніка»
тел. (032) 290-00-51

Анотація. В даній статті розглянуто теоретичні аспекти композиційного аналізу при проектуванні та реорганізації на всіх рівнях вже існуючого архітектурно-просторового середовища.

Ключові слова: композиційний аналіз, засоби архітектурної композиції, макро-, мезо-, мікрорівень, місто, квартал, будинок

Постановка проблеми. Дисгармонізація архітектурного середовища включає в себе негативне ставлення до міського середовища, критику сучасної реорганізації та проектування в цілому. Витоки цієї проблеми пов'язані із нерозумінням того, що будь-яка архітектурна форма: від міста на макрорівні – до архітектурної деталі на мікрорівні – є цілісний об'єкт, який повинен сприйматися гармонійно та естетично. У зв'язку з цим одним із важливих і актуальних питань архітектурної теорії є визначення пріоритетів та вдосконалення